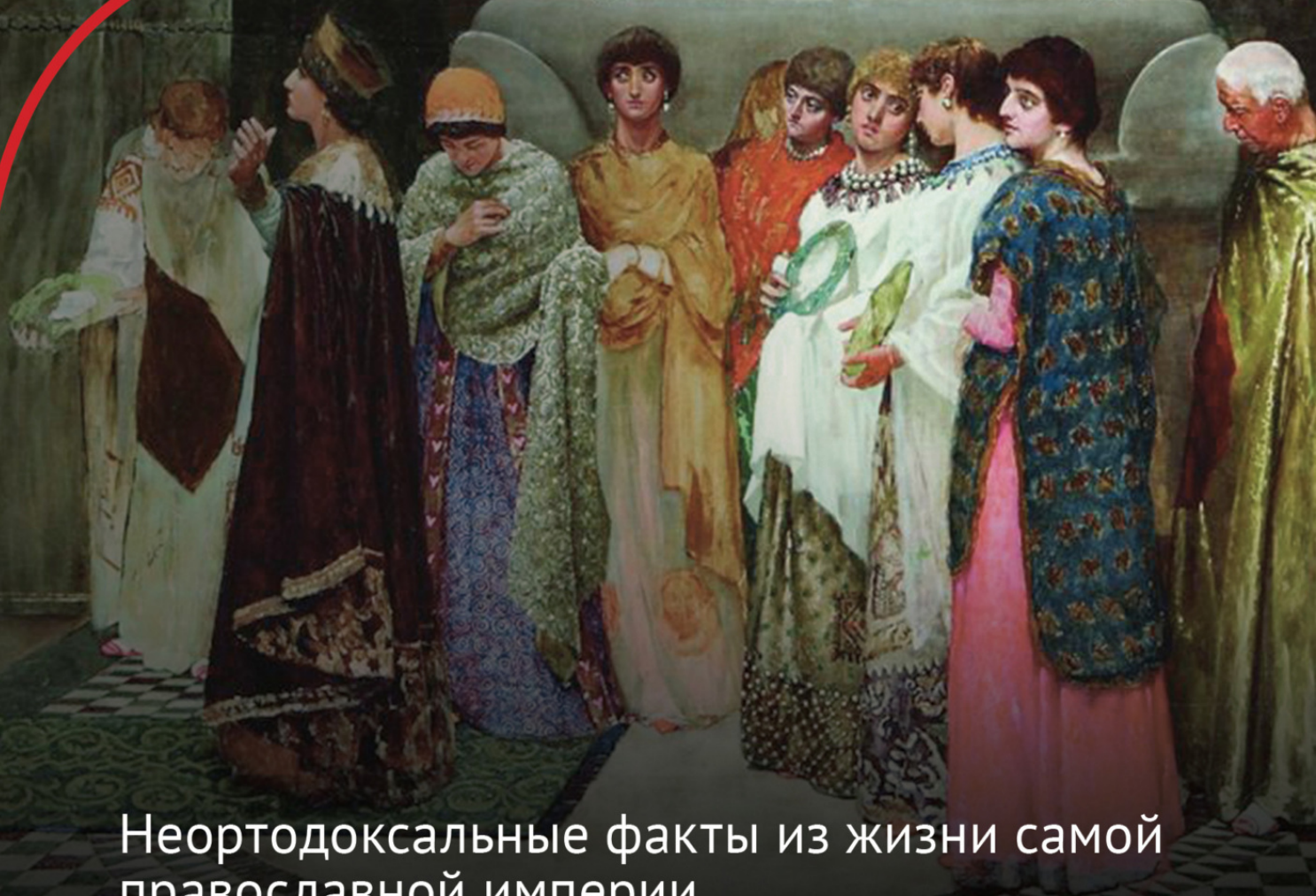

Энтони
Калделлис

СТРАДАЮЩЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУНСТКАМЕРА

Неортодоксальные факты из жизни самой
православной империи

История и наука Рунета. Страдающее Средневековье

Энтони Калделлис

**Византийская кунсткамера.
Неортодоксальные
факты из жизни самой
православной империи**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 94(100)"14/17"
ББК 63.3(0)4

Калделлис Э.

Византийская кунсткамера. Неортодоксальные факты из жизни самой православной империи / Э. Калделлис — «Издательство АСТ», 2021 — (История и наука Рунета. Страдающее Средневековье)

ISBN 978-5-17-127406-1

В своей новой книге Энтони Калделлис, известный специалист в области истории византийской культуры и цивилизации, профессор классической филологии в университете штата Огайо, развенчивает мифы о Византии, которые складывались столетиями. Многие факты, собранные здесь, вращаются вокруг политической и религиозной жизни Византии. Рассказы о святых и связанные с ними чудеса – от веселых до отвратительных, а также удивительные истории из повседневной жизни византийцев поражают своей откровенностью. Включены в книгу и сведения о некоторых изобретениях византийской науки и техники, опередивших свое время, – от военных (огнеметы и ручные гранаты) до театральных (“лифтовые” троны, рычащие механические львы) и медицинских (катетеры и лекарства). Обширный набор исторических аномалий и абсурдов, описанных автором, проливает свет на одну из самых загадочных и религиозных империй в мире. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(100)"14/17"
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-17-127406-1

© Калделлис Э., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

О «византийской кунсткамере»	7
От переводчика	8
От создателей Интернет-платформы «Страдающее Средневековье»	9
Предисловие от автора	10
Глава I. Брак и семья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Энтони Калделлис
Византийская кунсткамера.
Неортодоксальные факты из жизни
самой православной империи

Anthony Kaldellis

A Cabinet of Byzantine Curiosities: Strange Tales and Surprising Facts From History's Most Orthodox Empire, First Edition

© Oxford University Press, 2017

© Anthony Kaldellis, 2021

© Перевод, А. Ю. Виноградов, 2021

© Предисловия, С. А. Иванов, А. Ю. Виноградов, К. П. Мефтахудинов, Ю. Д. Сапрыкин-младший, 2021

© Издательство АСТ, 2021

* * *

О «византийской кунсткамере»

Рассказывая о предпочтениях своего Онегина, Пушкин замечает: «Но дней минувших анекдоты / от Ромула до наших дней / хранил он в памяти своей».

В современном языке анекдотом именуется смешной и очень короткий устный рассказ; его protagonистом может иногда выступать псевдореальный персонаж («Василь Иванович», «Брежнев»), но он имеет к своему историческому прототипу лишь косвенное отношение. Такой облик анекдот принял в XX веке, а раньше это был – да, забавный, да, короткий – но рассказ, претендующий на правдивость и повествующий о реальной исторической фигуре. Именно такими анекдотами увлекался Онегин.

Своим возникновением понятие «анекдот» обязан Византии, а вернее – ее восприятию потомками. Ἀνέκδοτα (буквально – «неизданное») – это авторское заглавие памфлета, написанного «в стол» Прокопием Кесарийским, Юстиниановым придворным историографом. Подпольный пасквиль целиком состоит из злобных и скандальных слухов и сплетен об императоре, а рассказы об императрице Феодоре изобилуют столь порнографическими подробностями, что советский переводчик, публикуя русскую версию произведения, вынужден был опустить некоторые пассажи, снабдив их лицемерным примечанием: «Далее идет не имеющее научного значения и трудночитаемое место».

В XVII веке, когда Ἀνέκδοτα (получившее издательское название «Тайная история») было впервые опубликовано, многие не поверили, что такую сенсационную чепуху мог написать серьезный историк Прокопий. В процессе той дискуссии об авторстве слово «анекдот» и стало нарицательным.

Энтони Калделлис – тоже серьезный историк, профессор штатного университета Огайо в городе Коламбус (США). Его перу принадлежат одиннадцать книг по византийской истории (его «Византийская республика» переведена на русский язык). Двенадцатая книга – перед вами. Она совершенно непохожа на остальные: автор будто специально провоцирует читателя, подсказывая в предисловии, что сподручнее всего перелистывать ее в сортире. Какую же цель преследовал Калделлис, нагромождая горы гривуазных анекдотов и экзотических фактов, ничем не связанных между собой, кроме общей занимательности?

Пожалуй, сверхзадачей автора было демистифицировать Византию, лишить ее ореола загадочной, ни на что не похожей цивилизации аскетов и святых, живших исключительно духовными интересами. Этот стереотип для Калделлиса выглядит ничуть не более привлекательным, чем противоположный – будто Византия вся состояла из садистов-императоров, обскурантов-епископов и интриганов-евнухов. Ромеи, подчеркивает автор, были просто люди, и ничто человеческое не было им чуждо.

Со многими аксиомами Энтони Калделлиса можно было бы поспорить, но в современной России, где Византию то и дело возносят на пьедестал в качестве православно-этатистской утопии, его книга тем не менее окажется весьма кстати: она способна не только развлечь читателя, но и отрезвить его.

Сергей Иванов, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор исторических наук

От переводчика

Книга Энтони Калделлиса, несмотря на свой развлекательный характер, очень сложна для перевода сразу по нескольким причинам.

Во-первых, почти наполовину «Византийская кунсткамера» состоит из цитат, взятых из огромного количества различных по содержанию и стилю источников. Переводить их с английского языка было бессмысленно, так что пришлось отыскивать оригиналы текстов на древних языках и переводить уже с них. И хотя я старался сохранить общие авторские принципы работы с текстом источника, здесь даны самостоятельные переводы, следующие, прежде всего, лексике, фразеологии и стилистике оригинала. Поэтому пусть внимательный читатель не удивляется, что русский перевод в отдельных деталях может отличаться от английской версии книги, причем иногда даже значительно.

Во-вторых, русская традиция переводов средневековых текстов несколько отличается от англосаксонской, во многом из-за того, что русский литературный язык, как наследник церковнославянского, изначально лучше приспособлен к передаче византийских терминов и реалий (например, греческого игумена нет нужды называть аббатом). Соответственно, как в переводах, так и в пересказах источников, которые занимают также почти половину книги, терминология и даже стиль порой отличается от английского текста. В некоторых случаях для лучшего понимания текста восстановлены слова, пропущенные в английском переводе. Кроме того, согласно традициям отечественной науки, все греческие слова даются в оригинальном написании (вместо латинской транскрипции), а все стихотворные строки переведены соответствующими поэтическими размерами (элегическим дистихом, двенадцати- и пятнадцатисложником). В русском переводе книги также опущены те фразы и примечания, которые актуальны только для ее английского издания (ссылки на английские переводы и т. п.). Названия источников приведены в соответствие с русской традицией, и для удобства читателя сделаны небольшие дополнения справочного характера.

Наконец, как почти любой труд с цитатами и отсылками к сотням источников, английское издание «Византийской кунсткамеры» содержало некоторое количество опечаток, неточностей и ошибок. Сверяясь с изданиями оригинальных текстов, я постарался исправить все эти недочеты, за исключением тех пассажей, для которых мне не удалось найти источников и которые не смог вспомнить и сам профессор Калделлис в нашей переписке. Такие места отмечены специальными примечаниями, так же, как и мои существенные поправки.

В своем переводе я старался совмещать аромат стилистического разнообразия оригинальных текстов с тонким юмором, иронией и даже эпатажем Энтони Калделлиса. Следует также учитывать, что, если западный человек с детства знаком скорее с негативным образом Византии (см. Предисловие), то отечественному читателю она известна скорее с положительной стороны, как носительница высокой культуры и глубокой духовности. Поэтому многие пассажи в настоящей книге могут показаться ему грубыми, покоробить и даже оскорбить, однако следует помнить, что все они, включая непристойные выражения, взяты из подлинных византийских источников и показывают всю неоднозначность и многосторонность богатейшей византийской цивилизации.

Андрей Виноградов, российский историк-антиковед, археолог и переводчик, исследователь Византии и раннего христианства.

Доктор филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

От создателей Интернет-платформы «Страдающее Средневековье»

В игре Civilization V человек выбирает правителя и державу, которую предстоит привести к мировому господству. Поиграть можно и за императрицу Феодору, правительницу могущественной Византии. Основное свойство этой воображаемой Византии – сильная религия. Игрок может выбирать на один бонус больше, создавая собственный пантеон богов, а затем и полноценную монотеистическую религию.

Современные историки, конечно, схватятся за голову при мысли о таком линейном прогрессе и всей концепции игры. Но вот «Византия как религиозная империя» – для неспециалистов по ромеям вполне приемлемая и живучая концепция. Она подкрепляется великолепными останками (прежде всего в виде церквей и фресок в этих церквях) некогда блистательной державы. К византийской религиозности можно вспомнить, с каким трепетом и страстью императоры собирали в Константинополе многочисленные христианские реликвии. И как потом часть этих реликвий оказалась на территории Московского царства и даже служила идеологическим поискам первых Романовых. Что тоже способствовало созданию в России образа Византии исключительно как религиозной империи.

В мемах «Страдающего Средневековья» не так много византийщины. Кажется, это получилось не специально – мы не выбирали, что будем смеяться только над маргиналиями из, например, французских манускриптов, в то время как византийские рукописи останутся чем-то сакрально-неприкасаемым. Скорее всего, это просто связано с теми сайтами и аккаунтами, из которых мы берём средневековые картинки для шуток. Византия оказывается не так популярна, как «западное» Средневековье.

Поэтому нам особенно отрадно, что Византия, незаслуженно обделенная нашим юмористическим вниманием, наконец-то получает должную порцию славы благодаря книге Энтони Калделлиса, профессора Университета штата Огайо. Надеемся, что «Византийская кунсткамера» сломает привычные представления о Византии. И окажется приятным чтением.

Р. S. Забыли! Еще одна отрадная и очень важная для нас деталь – перевод этой книги сделал наш преподаватель Андрей Юрьевич Виноградов. Для нас не существует специалиста, который разбирался бы в Византии лучше, чем он.

Р. S. S. Андрей Юрьевич, спасибо!

Константин Мефтахудинов и Юрий Сапрыкин-младший, выпускники истфака НИУ ВШЭ и создатели «Страдающего Средневековья»

Предисловие от автора

*Для тех, кто стремится выступать или писать, эта книга будет
небесполезна.
(Фотий. Библиотека 167)*

Византия достаточно таинственна сама по себе, но представление о ней у современной широкой публики не менее загадочно. Студенты-старшекурсники моего Университета Среднего Запада сотнями записываются на вводные курсы по ее истории и даже посещают специализированные лекции, чьи названия своей византийской тематикой должны бы заставить их держаться подальше. И все же они приходят. Почему? Двадцатилетние люди для меня более непонятны, чем византийцы, жившие тысячу лет назад. Если у этого студенческого интереса более глубокие корни, чем ориенталистские фантазии *Assassin's Creed*, то я не знаю, каковы они. В первый день занятий они часто не могут назвать ни одного византийского императора между Константином I и Константином XI (что, казалось бы, не так уж трудно, если вопрос сформулирован именно так). В более образованных кругах, включая наиболее влиятельные средства массовой информации, слово «византийский» по-прежнему используется в уничижительном смысле для обозначения неоправданно сложных систем, которые работают путем интриг, уклонения от ответственности, запутывания и предательства. Это словоупотребление происходит из вековых западных предрассудков.

В период Средневековья на Западе некоторые военные предводители из германских племен начали воображать себя римскими императорами и решили, что византийцы на самом деле не римляне, как сами утверждают, а нечто гораздо худшее – «греки», женоподобные, трусливые и вероломные люди, которые едят вилками и любят читать и писать. Позже некоторые католики решили, что «греческая» Церковь непослушная и даже еретическая, неверующая и дружественная исламу. Градус риторики нарастал. Мистическая аура Византийской империи рассеялась, когда Константинополь был захвачен войсками IV Крестового похода в 1204 году, а затем снова турками в 1453 году. В XVIII веке мыслители эпохи Просвещения решили превратить эту давно погибшую цивилизацию в пример самого худшего общества, какое только можно себе представить: теократического, суеверного, управляемого евнухами и злыми монахами без малейших признаков гражданских добродетелей. Вольтер называл ее «никчемным собранием высокопарных фраз и описаний чудес», которая «позорит человеческий разум», а Гегель представлял как «тысячелетнюю полосу беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и поэтому всего менее интересную картину». В XX веке некоторые политологи приписывали тоталитарные пороки и неэффективность Советского Союза его византийским истокам.

Движение за реабилитацию этой относительно безобидной цивилизации началось все-таки довольно поздно – только в прошлом поколении. И все же, несмотря на обнадеживающие заявления, что вся эта чепуха осталась в прошлом, на самом деле, она продолжает определять то, как говорят о Византии. Более того, непонятно, какой позитивный образ Византии пришел на ее место. Византийская литература остается в основном недоступной для широкой публики, несмотря на (или из-за) все возрастающее усложнение посвященных ей исследований. Византийское искусство остается очень притягательным, но часто преподносится таким способом, который лишь усиливает ориенталистский образ надмирной «спиритуалистической» цивилизации и потому по-прежнему обслуживает чаяния и потребности западного общества. Но как, помимо литературы и искусства, византийской истории и политике найти свой голос в современных дискуссиях и дебатах? Что говорит о себе Византия в наши дни?

Эта головоломка затрудняет определение того, что «странно» и «необычно» в Византии. По какому стандарту? Греция и Рим имеют слишком устоявшуюся и цельную репутацию, чтобы шутить над ними. Поэтому научный прорыв интересней осуществлять в византийском контексте, чем в греческом. Вопреки мистической, аскетической и «спиритуалистической» репутации Византии, во многих аспектах византийской жизни мы сталкиваемся с непристойным, похабным, снисходительным и попустительским отношением к телу. Поэтому для этой книги был избран гибкий подход. Я включил в нее материал, который заставляет византийцев выглядеть странными и чуждыми, но также и материал, который подчеркивает такие их свойства, как реализм, прагматизм, изобретательность и рациональность. Они могли быть вульгарными, мирскими и остроумными людьми, даже когда речь шла о духовном. Они обладали удивительной способностью к описанию, любовью к парадоксам и глубокой человечностью, независимой от догмы.

«Византийская кунсткамера» – это, прежде всего, развлекательное произведение. Каждый элемент здесь самодостаточен, так что ее можно читать урывками. Мое самое большое желание – чтобы книга идеально подходила для чтения в уборной.

С другой стороны, я написал эту книгу как дань уважения тем византийским авторам, которые дарили мне столько удовольствия и интеллектуальных стимулов на протяжении десятилетий. Среди них был, например, монах-философ, признавшийся в письме к влюбленному другу, что «я тоже поддался чарам кареглазой девушки», а в другом месте, что «я увидел в церкви чудесно написанную икону и украл ее, спрятав под своим плащом». Я смею лишь надеяться, что такие византийцы оценили бы то, что я сделал здесь от их имени. В конце концов, их культура породила множество тематических антологий, парадоксографий и сборников назидательных историй и чудес, а также собраний цитат. Они могли бы признать эту книгу родственницей своих собственных. В конце концов, ведь это они создали почти весь материал, который в ней содержится.

Кроме развлечения, «Византийская кунсткамера» может дать любому, кто читает лекции о Византии, удобный источник историй и анекдотов, которые забавно иллюстрируют различные контексты и ситуации. Многие из них также отлично подходят для застольных бесед, хотя вы должны заранее тщательно оценить, насколько ваши собеседники терпимы к вульгарности. Некоторые анекдоты настолько темны или отобраны из столь различных текстов, что с таким багажом вы можете притворяться, будто знаете культуру гораздо глубже и шире, чем на самом деле. Так что грабьте спокойно! Эту книгу могут использовать даже те, кто, на самом деле, не хочет ее читать: например, на нее можно написать рецензию.

Отдельные статьи в «Византийской кунсткамере» немного длиннее, чем в ее греческих и римских аналогах, и содержат больше коротких рассказов – формат, в котором византийцы достигли вершин. Во многих случаях я сократил или перефразировал тексты, чтобы усилить акцент на кульминационной точке или каком-то занятном аспекте. Библиография отсутствует: любой имеющий доступ к Интернету может найти полные ссылки на первоисточники, которые я цитирую, хотя несколько действительно малоизвестных я поместил в сноски. Для большинства текстов я даю конкретную дату, если она известна, а в иных случаях – приблизительную дату или годы правления соответствующего императора.

Некоторые из диковинок были добавлены к этому, сознательно или нет, толпой моих близких друзей-византинистов (они сами знают, о ком речь). Технологии позволяют нам поддерживать тесный контакт на больших расстояниях, а формат медиа способствовал развитию искусства посылать маленькие курьезы для развлечения друзей. Я особенно благодарен Наоми Питамбер за то, что она предложила некоторые изображения, использованные в этой книге. Но, прежде всего, эта книга обязана своим существованием и всеми своими достоинствами Стефану Вранке, который читал и перечитывал ее, отсеивал изначальный мусор и давал отличные советы по усовершенствованию конечного продукта. Заслуга в изобретении этого формата

принадлежит Джиму Маккауну, которого мне также посчастливилось иметь среди своих читателей. Я благодарю его, вместе с еще одним анонимным рецензентом, за их ценные предложения.

Глава I. Брак и семья

Развод

По закону мужчина может просить развода, если жена подвергла сомнению его мужскую честь, скажем, своей неверностью или аморальным поведением; причинила ему телесные увечья, покушаясь на его жизнь посредством магии или физического насилия; поставила под угрозу его попытки продолжения рода, например, своей неверностью или абортами. Он также мог потребовать развода, если жена была неспособна выполнять свои супружеские обязанности из-за неизлечимой болезни, к примеру безумия или проказы. Безумие иногда отличали от одержимости бесами, которая не составляла основания для развода (*Corpus iuris civilis*; Эклога; Василики).

* * *

Женщины могли требовать развода, если брак угрожает их целомудрию, например, из-за подстрекательства к занятию проституцией или обвинений в неверности, или их телесной неприкосновенности путем покушения на их жизнь посредством магии или физического насилия; или если муж не мог выполнять свои супружеские обязанности из-за болезни (опять же из-за безумия или проказы), был замешан в тяжких преступлениях, был импотентом более трех лет или отсутствовал более пяти лет, например находился в плену. Женщина также могла просить развода, если ее муж был убежден, что она ему изменяет, и настаивал на этом утверждении, даже обнаружив свою ошибку (*Corpus iuris civilis*; Эклога; Василики).

* * *

Неверность мужчины – не повод для развода, а закон от 449 года позволял женщине требовать его, если тот развратничал с другими женщинами в то время, «когда она видела это» (Кодекс Юстиниана 5.17.8.2).

* * *

Удивительная супружеская чета обратилась к митрополиту Навпакта Иоанну Апокавку с просьбой о разводе (около 1210 года). Муж Константин был шестнадцати лет от роду и худым, а его жена Анна – старше и дороднее. Она призналась, что завела роман, так как ее муж не мог выполнять свои супружеские обязанности. «По сердцу женщине наглец», – процитировал Аристофана Апокавок в своем вердикте, настолько он позабавился их истории и контрасту во внешности. Он разрешил развод: закон не должен принуждать к единству то, что природа явно намеревалась разлучить, – правда, при условии, что Анна не выйдет замуж за своего любовника (*Иоанн Апокавок. Письма* 12).

* * *

Апокавок столкнулся и с другой парой в деле о разводе: жена Ирина абсолютно не выносила своего мужа Константина. Она не хотела спать с ним, соседи насмехались над ними, и он съезжился при ее приближении. Представители епископа пытались запереть их обоих в маленькой комнатке, чтобы заставить заниматься любовью, но она кусала его пальцы и ногтями раздирала до крови его руки. Константин, в конце концов, отчаялся в этом катастрофическом

браке и попросил развода. Апокавк дал на него санкцию, сказав, что легче было бы соединить огонь и воду, чем Константина и Ирину (Письма 7).

* * *

Мария подала прошение о разводе со своим мужем Николаем, «потому что он обращался с ней по обычаю мужеложцев (ἀνδρομανής)... и подвергал ее побоям за то, что она отказывала ему в этом богомерзком и нечистом деле». Дело дошло до архиепископа Охридского Димитрия Хоматина (около 1220 года), который признал, что здесь нет никакого законного повода для развода, но поскольку женщина поклялась, что покончит с собой, он дал ей развод, чтобы душа ее не пострадала из-за этого еще большего греха (*Димитрий Хоматин. Труды* 17).

Потенция

Мужское бессилие было предметом обсуждения медиков, «ведь, кто влюбится или женится, но не может выполнить свой мужской долг, истощается от стыда и уныния» (*Павел Никейский. Руководство по медицине* 81). Павел рекомендовал физические упражнения, снадобья, мази и растирание перцем, нардом (ароматическое растение) и другими веществами. «Поднявшийся кривой хвалится как прямой [ср.: 3 Цар. 21, 11]»¹(*Феофилакт Охридский. В защиту евнухов* 329).

Деторождение

Анастасий Синаит приводил в качестве примера почву, чтобы объяснить, почему некоторые богатые люди хотят иметь детей, но не могут, тогда как многие бедняки легко могут иметь много детей: почва, слишком увлажненная, не плодоносит, тогда как почва, умеренно политая, плодородна. Тела бедняков, получившие так мало пищи, немедленно впитывают влагу семени. Вот почему арабы, у которых почти нет хлеба, имеют так много детей, но потому же – только наоборот – проститутки не могут зачать (*Анастасий Синаит. Вопросы* 81).

* * *

Один юноша попросил Даниила, египетского подвижника, прийти к нему домой и помолиться за его бесплодную жену. Даниил выполнил просьбу, и она забеременела, но потом люди стали говорить, что это мужчина был бесплоден, а не жена, и что Даниил вызвал беременность совсем не чудесным образом. Услышав это, Даниил велел мужчине сообщить ему, когда родится ребенок, и приготовить угощение для всех своих друзей и соседей. После трапезы Даниил взял новорожденного на руки и спросил его: «Кто твой отец?» Младенец, которому было двадцать два дня от роду, сказал: «Этот человек», указывая на мужа той женщины (*Иоанн Мосх. Луг духовный* 114).

* * *

У адвоката был ребенок от рабыни. Отец посоветовал ему убить того, на что адвокат раздраженно ответил: «Ты сначала закопай своих детей и тогда уж советуй мне убить моего» (*Филогелос* 57).

¹ Э. Калделлис следует ошибочному переводу П. Готье: «The erection of one's rod counts as a form of glory».

* * *

Согласно «Книге толкования сновидений», приписываемой Ахмету и содержащей античные, арабские и более поздние элементы, если вам снится, что

- ваши яички отрезаны, то если у вас есть дети, они умрут, но если у вас нет детей, это означает, что у вас их не будет;
- ваши яички раздавлены, то ваши дети будут долго болеть;
- ваши яички крепки и стали больше, чем раньше, то ваши дети будут вас радовать;
- раньше вы были евнухом без яичек, но теперь они у вас есть, то вы разбогатеете так, как желает ваше сердце, и ваши родные вернуться из чужой страны;
- вы потеряли левое яичко, то у вас не будет дочери;
- вы потеряли правое яичко, то у вас не будет сына;
- ваши яички вместе с членом отрезали, то вы и ваш наследник быстро умрете (*Ахмет. Онейрокритика* 99).

* * *

«Лошадь, в момент спаривания обдуваемая ветром, особенно северным, родит здоровых жеребят. А вот что люди, как мы слышали, делают то же самое, так это они делают напрасно и весьма неразумно, предаваясь столь ветреным, так сказать, делам» (*Евстафий Солунский. Комментарий к «Илиаде»* 4, 398).

Невесты при дворе

Императорский двор якобы часто устраивал смотры невест – по сути, конкурсы красоты, – чтобы найти жену для наследника престола, который должен был вручить победительнице золотое яблоко. Самые известные смотрины были устроены для Феофила (829–842). Он был якобы сражен прекрасной, но острой на язык Касией (или Касианой) и решил испытать ее, сказав: «От женщин пришло в мир много зла», отсылая к грехопадению Евы. На это она ответила: «Через женщину произошло и высшее благо», отсылая к обетованию спасения – Иисусу, рожденному от Марии. Феофилу не понравился этот ответный укол, и он предпочел Феодору, вручив золотое яблоко ей (*Лев Грамматик. Хроника* 213). Отвергнутая еще до замужества, Касия ушла в монастырь и стала знаменитой сочинительницей песнопений.

* * *

Придворным чиновникам, которые разъезжали по провинциям в поисках подходящих невест для императорского наследника, очевидно, давали изображение того, как должна выглядеть идеальная пара ему, и они пытались сопоставить его с теми претендентками, которых встречали. Это изображение называлась *λαυράτων*. Они также возили с собой императорскую туфлю (*τζαγγύιον*) того размера, что был нужен для идеальной невесты, и примеряли ее им на ногу (Житие святого Филарета Милостивого 4С; ср.: *Клавдиан. Эпиталамий Гонорию и Марии* 23–28).

* * *

Трех финалисток из числа невест, привезенных ко двору на состязание, иногда осматривала обнаженными в бане мать наследника, действующая императрица, чтобы выбрать самую

красивую (Житие святой Феофании 10). В период расцвета таких смотрин (VIII–IX вв.), по крайней мере три императора в конечном счете отвернулись от жен, выбранных для них матерями, и вместо этого взяли себе любовниц: Константин VI, Михаил III и Лев VI. Даже Феофил, который сам выбрал себе невесту, позже изменил ей с одной из ее служанок и вынужден был просить у нее прощения, говоря в свое оправдание, что сделал это лишь однажды (*Продолжатель Феофана*. Хронография 3, 8).

* * *

Среди двенадцати финалисток смотра невест, организованного для Льва VI, была афинская девушка, весьма искусная в гадании. Она предложила остальным девушкам следующий конкурс для определения победительницы: они все снимут обувь и сядут на пол. Как только император войдет, они тут же вскочат, завяжут свои сандалии и поклонятся ему. Та, кто делает это первой, победит (Житие святой Феофании 9).

* * *

Когда наследнику престола Роману II (959–963) было пять лет, его женили на Берте, незаконнорожденной дочери короля Италии Гуго и проститутки. Гуго не скрывал, кто мать его дочери... «но греки относительно знатности рождения смотрят не на то, кто мать, а на то, кто отец» (*Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис 5, 14).

Супружеские отношения

«Кто в гневе поднял топор на свою супругу, – убийца» (*Василий Великий*. Письма 188, 8).

Илл. 1.1. Военачальник предлагает своих дочерей в жены гостям во время пира, миниатюра Мадридского Скилицы

* * *

«Того, кто еще не связан узами брака, сотрясают разнузданные желания, неудержимые порывы и некие безлюбные влюбленности. А того, кто прикован к супруге, ожидает другое смятение забот: при бездетности – желание иметь детей, при рождении детей – хлопоты об их воспитании, присмотр за женой, пригляд за домом, надзор за слугами, неудачные сделки, стычки

с соседями, судебные тяжбы, опасности в торговле, труды по сельскому хозяйству» (*Василий Великий*. Письма 2, 2).

* * *

«Я говорю не то, чтобы муж бил жену, нет! Ведь это оскорбление не для той, кого бьют, а для того, кто бьет. Но даже если по каким-то обстоятельствам тебе, жена, выпал такой сожитель, то не отчаивайся, помышляя о приготовленной тебе за это награде и похвале еще в настоящей жизни. И вам, мужья, так скажу: нет такого проступка, который вынуждал бы вас бить свою жену... Ведь крайнее беззаконие – бесчестить словно рабыню твою спутницу жизни, уже давно разделяющую с тобой нужды» (*Иоанн Златоуст*. Толкование на 1 Кор 26, 7).

* * *

Девушек могли помолвить еще до достижения десяти лет, но если они выйдут замуж до достижения двенадцати лет, то такой брак будет иметь законную силу, только когда им исполняется двенадцать лет (*Василики* 28, 4, 3).

* * *

Один женоненавистник, став на рынке, стал говорить: «Продаю свою жену беспошлинно». Когда же кто-то спросил: «Почему?», тот ответил: «Чтобы ее обязательно взяли» (*Филогелос* 246).

* * *

Кекавмен – несколько параноидальный писатель-моралист XI века: «Если у тебя есть друг в другом месте, и он проезжает через город, где ты живешь, то не размещай его в своем доме, но пусть он разместится где-то еще, а ты пошли ему все необходимое, и он отнесется к тебе еще лучше. Если же ты разместишь его у себя дома, то послушай, сколько поношений ты получишь. Во-первых, твоя жена, твои дочери и твои невестки не будут иметь права выйти из своих покоев и выполнять необходимое в твоём доме. Если же будет сильная нужда им выйти, то твой друг будет тянуть шею и таращить на них глаза. Даже если ты будешь стоять рядом с ними, тебе покажется, что он опустил лицо, а он с любопытством будет разглядывать их походку, наклоны, талию, очи – короче говоря, с головы до пят. И подражая им, он со своими близкими будет наедине высмеивать их» (*Стратегикон* 39).

* * *

Андроник Комнин, двоюродный брат императора Мануила I (1143–1180), провел почти три года в тюрьме Большого дворца (1155–1158). Там он обнаружил подземный ход под своей камерой и заполз туда, завалив за собой отверстие. Стражники решили, что он бежал, хотя ничто не было повреждено, после чего началась охота за ним по всей империи. Жена Андроника была в качестве меры предосторожности арестована и помещена в его камеру. В первую же ночь он восстал перед ней из-под пола, «словно демон из Тартара», и они занялись любовью, стараясь делать это тихо, но при этом зачали своего сына Иоанна. Поскольку жену так строго не охраняли, Андронику удалось бежать из тюрьмы, но позже его нашли и снова арестовали (*Никита Хониат*. История 106–107).

* * *

Женщина, стесненная настолько, что у нее нет женских дел, не здорова (Василики 19, 10, 14, 8).

* * *

Поэт-сатирик XII века Птохопродром жаловался императору на то, как его жена словесно его оскорбляла, выгнала из спальни и морила голодом (Поэмы 1).

Боюсь я очень рта ее, боюсь ее я гнева,
Угроз ее весьма страшусь, а также отвращения.

Она обвиняет его в том, что он бесполезен по дому, в то время как она делает всю работу:

Сидишь в жилище ты моем, но ничего не платишь:
ведь мрамор изничтожен весь, и пол весь развалился,
вся черепица сыплется, а крыша вся прогнила...
Двери не сменишь никогда, не приколотить доску,
не перекроешь кровли ты и не поправишь стену,
ни мастера не позовешь, чтоб он ее исправил,
гвоздя ты даже не купил, его забить чтоб в доску...
На кой ты сдался мне такой? В чем польза, я не знаю.

Следующая сцена полна сексуальных намеков:

Ведь только в двери я вошел, наезднику подобно,
Как видит, что я спешился, поднялся и уселся...
она вдруг потихонечку начнет мурлыкать часто...:
«Как распластался ты на мне?», и «Как не постыдился?»
Хотел я ей, о государь, пощечину отвесить,
Однако ж, поразмыслив чуть, промолвил сам себе я:
«Клянусь душой твоей, Продром, сиди-ка лучше молча:
что б ни сказала, ты терпи и выноси все твердо.
Ведь коль ударишь ты ее и очень больно двинешь,
то, как ты стар и невысок, а также уж бессилён,
она поверх навалится и за собой потащит...»
Когда ж и посоха найти я не сумел, несчастный,
то поскорей тогда схватил метлу, и принужденно

я заклинаю и прошу и слезно умоляю:

«Всенепорочный мой, сдержи ее, уйми, Христе мой,
не дай ей повернуться, чтоб забрать мой посох,
непусти мне окриветь по дьяволовой воле».
Она уходит, прячется, и, тут же дверь заперши,
уселась беззаботная – остался я снаружи.
Тогда, держа в руках метлу, я начал в дверь стучаться.

Когда ж рассвирепел вконец, стуча в нее так часто,
нашел я дырку и воткнул туда конец метелки,
однако тут она, вскочив и за него схватившись,
тянуть вдруг стала изнутри, а я, опять, снаружи.
Но как смекнула, что могу ее тащить я крепко,
метлу тут отпустила вдруг и дверь совсем открыла.
От неожиданности я упал и распростерся.
Увидев же, что я упал, та как начнет смеяться!

Запретные союзы

В древней Римской империи сенаторам запрещалось жениться на актрисах, поскольку эта профессия считалась немногим лучше проституции и часто практиковалась параллельно ей. Когда Юстиниан I захотел жениться на бывшей «актрисе» Феодоре, он надавил на своего дядю, императора Юстина I (518–527), чтобы тот издал закон, разрешающий такой брак, если женщина изменила свой образ жизни и выказала «воздержность». Закон подразумевал, что перспектива замужества за сенатором может побудить женщин с пониженной социальной ответственностью одуматься. Кроме того, дочери, рожденные от «женщин сцены», могли ходатайствовать перед императором о законном «освобождении от пятна материнской репутации» (Кодекс Юстиниана 5, 4, 23).

* * *

Многие провинциальные монахи оказались в оппозиции к Константину V из-за его борьбы против священных изображений. Михаил Лаханодроконт, верный сторонник императора и стратиг одной из фем Малой Азии, собрал вместе монахов и монахинь своей области и приказал им сменить черные одежды на белые и выбрать себе супруга. Тот, кто откажется, будет ослеплен и сослан на Кипр. Одни предпочли брак, другие – ослепление и Кипр (*Феофан Исповедник*. Хронография 445).

* * *

К XI веку Церковь ввела сложный набор ограничений на брак. Помимо прочего, брак был запрещен между двумя лицами, связанными вплоть до седьмой степени родства включительно. Например, двоюродные братья представляли собой пятую степень родства (двоюродный брат 1 → отец → дед (и обратно вниз) → дядя → двоюродный брат 2). Дополнительные правила запрещали вступать в брак лицам, связанным духовным родством, особенно если оно возникло благодаря крещению или предшествующему браку общих родственников. Это было настолько сложным делом, что для его разрешения требовались специальные трактаты (например, *Иоанн Педиясим*. О женитьбе).

* * *

Единственным императором, который был близок к тому, чтобы иметь двух жен одновременно, был Константин IX Мономах (1042–1055). Он стал третьим и последним мужем императрицы Зои, причем сам уже был женат, так что вся эта ситуация оказалась неканонической с самого начала и потребовала специального разрешения. Более того, после смерти своей предыдущей жены Мономах сошелся с Марией Склиреной, своей настоящей любовью, хотя

формально на ней и не женился. После того как он сочетался с Зоей и стал императором, та позволила ему поселить Марию во дворце и даже наделить ее императорскими титулами. Теперь Мономах жил во дворце с тремя императрицами: своей женой Зоей, ее сестрой Феодорой и своей сожительницей Марией. Когда та умерла, он сошелся с аланской принцессой, но Феодора категорически запретила ему жениться на ней (*Михаил Пселл*. Хронография 6, 151–154).

* * *

Умирая в 1067 году, император Константин X Дука заклил страшными клятвами свою жену Евдокию Маркемволитиссу никогда больше не вступать в брак, а также потребовал от ведущих членов Сената подписать эту клятву. Но его сыновья были то ли не готовы, то ли не пригодны для того, чтобы взять власть в эти смутные времена; государство нуждалось в сильной руке, и Евдокия положила глаз на красивого полководца Романа Диогена. Но как ей и сенаторам было обойти клятву? Один мудрый евнух нашел ответ. Он пошел к патриарху Иоанну Ксифилину и предложил, чтобы императрица вышла замуж за патриаршего брата. Что было делать? Патриарх мобилизовался, обошел глав Сената, объяснил им, почему эта клятва недействительна, и освободил их от обязанности ее соблюдать. После этого Евдокия привела Романа во дворец и вышла за него замуж (*Продолжатель Скилицы*. История 123–124).

* * *

Отчаявшись заключить союз с агрессивным сербским правителем Стефаном Милутином, император Андроник II Палеолог (1282–1328) предложил ему в жены свою дочь Симониду. Ей было пять лет, а Милутину – пятьдесят, но настоящая проблема заключалась в том, что он был уже трижды женат, так что это был бы для него четвертый брак, нарушающий церковные каноны. Суд нашел хитрую лазейку: поскольку жена № 1 была жива, когда Милутин брал себе жен № 2 и № 3, то последние не были-таки настоящими его женами. Но жена № 1 тем временем умерла, а это значит, что Милутин теперь может свободно жениться на Симониде как на жене № 2. Вопрос о ее возрасте, по-видимому, не имел большого значения. По некоторым источникам, Милутин сразу же консуммировал этот брак, сделав Симониду неспособной рожать детей.

* * *

Ученый и эссеист Феодор Продром (XII век) написал трактат «На тех, кто из-за бедности упрекает провидение», который начинается с перечисления многих неправильно подобранных вещей, с которыми мы сталкиваемся в жизни, включая богатых идиотов и бедных ученых: «Один выглядит так, как будто он жертва естественного аборта, и уродливее чудовищ Эмпедокла, отвратителен обликом, лицо полно сажу – таких человечков мы выводим на сцену, страшнее эфиопов, с морщинистой кожей... И такой человек живет с прекрасной и прелестной девушкой, как Гефест с золотой Афродитой. А некий милый юноша, который мерит первый пушок на подбородке, дар граций, статуя от природы, сладостный в речах, красивый на вид, приятный в общении, должен ввести к себе подслеповатую старуху?» (PG 133, 1293–1294).

Против брака

Церковный собор в пафлагонских Ганграх (IV век) осудил тех христиан, кто отвергает институт брака, а также тех, кто говорил благочестивым женщинам, что они не смогут попасть

на небеса, если занимаются любовью со своими мужьями; тех, кто воздерживался от половой связи из ненависти к браку; женщин, которые одевались как мужчины и стригли волосы, чтобы быть похожими на монахов; женщин, которые оставляли своих мужей из-за ненависти к браку; родителей, которые бросали своих детей, чтобы уйти и притвориться аскетами (Правила Гангрского собора 1, 9, 13–15, 17).

* * *

Жена женоненавистника умерла, и на похоронах его спросили: «Кто обрел покой?» Он сказал: «Я, избавившись от нее» (Филогелос 247).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.